

Глава 17

В лохани для омовения

— Я знаю, что я тебе не нравлюсь. Для лучших друзей делать такое... немного неловко.

Говоря это, Шэнь Бинсы обнял Жун Се.

— Считай, что тебя просто укусила собака. Когда идёшь по дороге, встретить злого пса — дело обычное. Нельзя же из-за страха перед собачьим укусом совсем не выходить из дома, верно?

С этими словами его рука скользнула за спину Жун Се. Пальцы проворно подцепили и развязали шнуровку исподнего.

Большую часть одежды Жун Се, со всеми её слоями и застёжками, покупал Шэнь Бинсы. Он знал её устройство и размеры лучше, чем сам Жун Се.

Стоило развязать пояс, как шнуровка ослабла. Штанины опали, а воротник рубахи съехал набок, обнажая плечо.

Жун Се застыл. Его нос находился в нескольких цунях от груди мужчины. Стоило поднять глаза, и он увидел бы его сильную шею с напряжёнными от усилия жилами. Жун Се не знал, куда смотреть, и не смел пошевелиться. Только когда пояс ослаб и ткань соскользнула с тела, он в панике прикрыл грудь и упёрся рукой в Шэнь Бинсы.

— П-подожди... Я... я хочу кое-что сказать...

Его голос был едва слышен, а рука, толкавшая Шэнь Бинсы, была слабой и безвольной. Он даже не смел нажать как следует. Рельефные мышцы под его ладонью двигались в такт дыханию, их присутствие было таким сильным, что, казалось, могло обжечь.

— Не говори. Я всё знаю.

Что он мог сказать? «Ненавижу», «отстань»? Шэнь Бинсы не хотел слышать это во второй раз. Раз уж он решился, то доведёт дело до конца, чего бы это ни стоило, даже если лучший друг его возненавидит.

Он надавил плечом, колени Жун Се подогнулись, и тот, потеряв равновесие, взлетел в воздух. Вскрикнув, юноша инстинктивно обнял Шэнь Бинсы за шею. Тот подхватил его на руки и понёс к лохани.

— Не надо... м-м!

Жун Се крепко обнял его за шею и зажмурился. В следующий миг его тело погрузилось в горячую воду. Хоть и опустили его плавно, ощущение горячей воды, окутавшей тело, было неприятным, словно он больше не принадлежал себе.

Когда он погрузился достаточно глубоко, Шэнь Бинсы отпустил его. Жун Се упал в воду, нахлебался и тут же был вытасчен на поверхность рукой, обхватившей его грудь.

— Глупый, стоять не можешь? — в его голосе послышалась усмешка.

— Н-ноги не держат... — пробормотал Жун Се, пытаясь ухватиться за край лохани. Уши предательски горели.

Он снова рассмеялся. Этот ненавистный смех раздался у самого уха. Жун Се не заметил, как собеседник тоже оказался в лохани, прямо за его спиной. Их разделял лишь тонкий слой промокшей насквозь ткани.

Это было всё равно что быть голым. Жун Се чувствовал, как его спина прижимается к груди Шэнь Бинсы. Было жарко, и это мягкое прикосновение пугало. Ниже, его поясница неизбежно упиралась в рельефный живот.

После всего, что произошло, и осознания своих чувств, Жун Се был готов уступить. Но на деле всё оказалось не так просто.

Он инстинктивно хотел сбежать. Ощущения были слишком сильными, невообразимыми для его тридцати с лишним лет спокойной жизни. Тело Шэнь Бинсы пугало его. Он несколько раз пытался ухватиться за край лохани, чтобы встать, но Шэнь Бинсы лёгким движением возвращал его обратно к себе на колени.

— ...Даже если ты меня ненавидишь, это неважно. Просто не смотри на меня, и всё.

Сказав это, Шэнь Бинсы, непонятно откуда взяв мокрую повязку, закрыл ею глаза Жун Се. Горячая вода потекла по его носу и щекам.

Это лишь усугубило ситуацию.

— Шэнь Бинсы, успокойся, выслушай меня... — Жун Се попытался сорвать повязку. Потеряв зрение, он стал ощущать всё острее. Присутствие чужого тела стало в сто раз сильнее, и это было невыносимо.

Вскоре Жун Се понял, откуда взялась повязка.

Это был его собственный пояс от исподнего.

Лишившись пояса, рубаша Жун Се распахнулась, и он почувствовал, как его верхняя часть тела полностью обнажилась.

Он в панике сорвал повязку, пытаясь прикрыть грудь, но увидел, что его рубаша, словно увядшая лилия, плавает на поверхности воды. Его худое тело, редко видевшее солнце, резко контрастировало с телом Шэнь Бинсы.

Волосы его в борьбе растрепались, пряди были повсюду: одни прилипли к плечам и шее, другие плавали в воде, третьи скользили между их телами.

Жун Се почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, заливая жаром шею.

— Н-нет... не могу... я не могу...

Он замотал головой, беспорядочно шлёпая руками по воде.

Теоретически согласиться и сделать это на практике — две совершенно разные вещи. Сейчас Жун Се мечтал лишь о том, чтобы что-нибудь случилось, чтобы Шэнь Бинсы срочно куда-то позвали, или чтобы крыша обвалилась. В конце концов, если небеса рухнут, тот, кто выше, и будет их держать...

О чём он вообще думает?

«Ведь тот, другой я из „Подарить миру Лун Аотяня“ мог это сделать, почему же я не могу? Это нелогично, неправильно, я...»

— Тише, Жун'эр, не двигайся.

Жун Се продолжал ёрзать, и Шэнь Бинсы пришлось схватить его за запястья и скрестить их у него на груди.

— Если будешь так тереться, оно выйдет.

«Выйдет? Что выйдет? Откуда выйдет?»

Жун Се словно громом поразило. В голове стало пусто, и он замер, послушно сидя на коленях у Шэнь Бинсы.

— Хорошо. А теперь слушай меня, — горячее дыхание мужчины обжигало ухо. — В парном

совершенствовании самое главное...

Что он говорил, Жун Се не слышал ни слова. Они никогда не были так близко. Даже в детстве, когда они боролись в пруду, он не ощущал так отчётливо жар и контуры чужого тела. Он и не заметил, как тело Шэнь Бинсы выросло и стало ему совершенно незнакомым.

В голове у Жун Се эхом отдавалась хриплая жалоба: «Если будешь так тереться, оно выйдет».

«Небеса, спасите меня».

Внезапно у уха стало тихо. Шэнь Бинсы замолчал.

Жун Се прислушался. Слышно было лишь, как бешено колотится его сердце и пульсирует кровь. Почему он замолчал? Неужели заметил, что его не слушают?

Внезапно Жун Се застыл, как испуганный зверёк. Произошло то, что разрушило все его прежние представления. Он мог лишь замереть, надеясь таким образом избежать неизбежного.

Шэнь Бинсы по-прежнему молчал, и это молчание, сопровождаемое его действиями, становилось ужасающим. Жун Се предпочёл бы, чтобы тот продолжал объяснять или говорил что-то утешительное, но он молчал.

— М-м... — Жун Се не выдержал и задрожал, бессильно отталкивая руку Шэнь Бинсы, скользнувшую под воду. Он не мог вынести этого напора. Время словно остановилось, мысли замерли. Он отчаянно хотел сбежать, вырваться наверх, но его тело было крепко зажато в руках Шэнь Бинсы.

— Не могу... я не могу... — всхлипнул Жун Се.

Какая-то черта была пройдена. Жун Се, плача, обмяк в объятиях Шэнь Бинсы.

Тот, кажется, вздохнул.

Остаток времени прошёл для Жун Се как в тумане. Он смутно помнил, как Шэнь Бинсы сменил воду, омыл его, завернул в сухой халат и отнёс в спальню.

Оказавшись в своей кровати, Жун Се завернулся в одеяло, как начинка в паровой рулетик, словно боясь развалиться на части.

Шэнь Бинсы, кажется, посидел немного на краю кровати.

Жун Се быстро заснул. Когда он проснулся, рядом уже никого не было.

Неизвестно, было ли это из-за вчерашних потрясений, но спал он на удивление крепко, без снов. Когда он открыл глаза, за окном уже было светло.

— М-м, который час... — Жун Се опёрся на руки, чтобы встать, но почувствовал такую слабость в пояснице, что чуть не упал обратно.

— А?

Он вспомнил некоторые моменты прошлой ночи, и детали всплыли в памяти с пугающей ясностью. Шея снова вспыхнула.

«Жун Се, ты молодец».

Он мысленно похвалил себя.

Парное совершенствование — не так уж и страшно. С горем пополам, но он справился.

Только почему он не чувствовал прилива духовной силы? Говорили, что после успешной Закладки фундамента дантянь должен быть полон неиссякаемой духовной энергии, свободно текущей по меридианам, а все пять чувств обостряются...

Почему же он чувствовал лишь ломоту в пояснице и слабость, словно стал ещё хилее?

Немного позже.

Шэнь Бинсы купил в столовой внутренней секты лепёшки с бараньим супом. Жун Се разлил суп по пиалам, и они пообедали.

Они сидели в цветочном зале за маленьким столиком. Три окна были распахнуты, за ними зеленели деревья, а с озера дул ветер, пахнувший солнцем.

При виде Шэнь Бинсы Жун Се смутился и не смел поднять на него глаз, не говоря уже о том, чтобы сидеть лицом к лицу. Но он был голоден, и ароматный запах супа заставил его забыть о неловкости.

Сытно поев, Жун Се почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он поднял голову и, набравшись смелости, спросил:

— Вчера... у нас получилось?

Шэнь Бинсы замер на мгновение, потом пришёл в себя.

— Не получилось.

— ...А, как же так, — Жун Се не мог поверить. Вчера они зашли так далеко, и всё равно не получилось?

— Да, — Шэнь Бинсы о чём-то задумался и медленно произнёс: — Ничего страшного. Когда осваиваешь новую технику сердца, не всегда получается с первого раза.

— В-вот как?

Жун Се заметил, что Шэнь Бинсы говорит очень серьёзно, словно... они действительно обсуждали какую-то технику внутреннего совершенствования.

Он почувствовал лёгкое разочарование. Они были так близко, но он не мог почувствовать сердце Шэнь Бинсы, словно их разделяла пропасть.

— Но ты уже молодец, — Шэнь Бинсы протянул руку через стол и похлопал Жун Се по предплечью. — Сделать первый шаг — это уже почти успех.

Сказав это, Шэнь Бинсы встал, собрал посуду и пошёл на кухню мыть её.

Послеполуденное солнце светило ярко.

Но у Жун Се не было сил идти на прогулку. Он вышел из цветочного зала и через боковую дверь в коридоре вернулся в свою спальню.

Он лениво лежал некоторое время, но уснуть не мог. В голове снова и снова прокручивались события прошлой ночи.

Детали, словно снежинки, сыпались на него. Он вспомнил крепкие объятия Шэнь Бинсы, тихий смех у уха, хриплую жалобу. Его сердце невольно затрепетало, и по телу разлилась сладкая истома.

Среди этих будоражающих воспоминаний было одно, которое, словно заноза, впилося в самое сердце. Когда всё было почти кончено, когда он сам уже достиг пика, Шэнь Бинсы вздохнул у него за спиной.

«Почему он вздохнул? Почему именно в тот момент? Он... был мной недоволен?»

Жун Се ворочался час, но так и не уснул, лишь измучил себя ещё больше. Сердце колотилось, глаза горели. Он встал с кровати, подошёл к медному зеркалу и посмотрел на своё отражение. Глаза снова были красными, как у кролика.

После такой ужасной ночи Шэнь Бинсы, вероятно, больше не предложит ему парное совершенствование. Да, кому захочется заниматься этим с лучшим другом? Оба — мужчины, что есть у одного, есть и у другого. Когда Шэнь Бинсы опустил руку под воду, ему, наверное, было очень неловко.

С красными глазами Жун Се бросился в кабинет, сердито открыл фрагменты с письменами Тулобэй и с головой ушёл в чтение.

К чёрту совершенствование. Он потратит остаток своей ничтожной жизни на то, что ему нравится.

С наступлением ночи зажглась одинокая лампа.

Сердце Жун Се наконец успокоилось. Он с увлечением и радостью читал древние тексты.

Вдруг в окно кабинета что-то стукнуло. Жун Се с удивлением поднял голову и увидел, как тёмный силуэт пытается влезть в окно. Он делал это так неуклюже, что несколько раз соскальзывал вниз.

С ветром донёсся запах вина.

— Дух Ян... покидает тело — и не растрачивается! — невнятно бормотал Шэнь Бинсы. — Тайное движение по небесному кругу! Не проливается на пути!

<http://bllate.org/book/15975/1501048>